

РАЗДЕЛ 1

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПАРАМЕТРЫ, СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ДИСКУРСА

*Арпентьева М.Р.
Калужский государственный университет
им. К.Э. Циолковского, Калуга*

ДИСКУРС БУЛЬВАРНЫХ РОМАНОВ И «МЫЛЬНЫХ ОПЕР»

Паралитература, в том числе бульварный роман (бульварная литература, бульварное чтиво), определяется как жанр массовой литературы, включающий тексты без выраженного художественного и культурного значения. Эти книги пишутся и издаются в расчете на непритязательный вкус массового читателя, обычно содержат завлекательную и напряженную в психологическом или ином плане интригу, полны развлекательных и занимательных эффектов, мелодраматизма и напряженных сцен, описаний преступлений, любовных приключений и перипетий – воплощают характерные дискурсивные стратегии. Они также служат основой мыльных опер, в том числе детективных и романтических сериалов.

Последние десятилетия прошлого века и начало нынешнего ознаменовались не только массовым внедрением «бульварного романа» как отдельного вида художественных произведений на книжном рынке, но и введением произведений данного жанра в круг кинематографии: созданием целого ряда фильмов, опирающихся на бульварное чтиво: от его самых достойных и обладающих художественной ценностью примеров, до комиксов. Сюжеты бульварных романов напоминают страницы происшествий в городских новостях, а героями являются «обычные» люди – сыщики, воры, проститутки, бизнесмены; местами действия – притоны, дома миллионеров: «зловещее дно города и его раззолоченная пена».

Многие исследователи пытались раскрыть секрет «неоправданного» успеха бульварного романа и его кинематографических версий у читателей, в том числе и у тех, кто воспитывался на произведениях классической мировой литературы [6; др.]. Однако, в целом, как и многие другие «маргинальные» жанры художественной литературы и кинематографа, обладающие не столько художественной, сколько «мифотворческой» функцией, вниманием исследователей бульварный роман и основанные на нем фильмы во многом остаются обойденными.

Популярность мелодрам и иных жанров кинематографического искусства, опирающихся на бульварные романы, часто объясняется его внешней простотой, способностью развлечь и отвлечь читателя, помочь в решении проблем отношений с другими людьми и в поиске выхода из кризисных ситуаций, а также – за счет сходство с традиционными мифами – способностью активизировать взаимодействие человека с опытом его нации и человечества в целом. Однако, как показывает даже поверхностный анализ языка бульварного романа, так же, как и языка традиционных мифов, его воздействие выходит далеко за пределы ситуативного настроения читателя. При этом «бульварный роман» и опирающиеся на него киносценарии могут рассматриваться как современный вариант мифотворчества [2; 3]. Кроме того, многочисленные вариации одного сюжета в интерпретациях разных авторов позволяют рассматривать бульварный роман и снятый на его основе фильм как некий «гипертекст», смысл которого обнаруживается во взаимодействии и взаимном наложении отдельных текстов. Не случайна в силу отмеченного популярность «смежного» жанра (сериалы или «мыльные оперы»), а также тенденция «снимать продолжения» фильмов, завоевавших массовую популярность.

Бульварный роман, написанный для неискушенного читателя, обобщающий опыт поколений, их мировоззренческие установки и открытия через призму опыта автора, также как и роман «психологический», написанный для более искушенных читателей и содержащий более выраженные отсылки к мифологическим мировоззренческим аспектам жизнедеятельности личности и общности, как феномен конца XX в., обладает свойством интертекстуальности. При этом то, что в классической литературе, киноискусстве, современном «психологическом романе» и кинематографе «не для всех» реализуется в пределах одного текста как интертекста, в бульварном романе и мелодрамах современности требует знакомства читателя с несколькими отдельными текстами для установления интертекстовых связей [7].

Вместе с тем, функция бульварного романа и «мыльного кинематографа» как явления заключается в трансляции массовому читателю / зрителю некоторых базовых эффективных моделей отношений и поведения в повседневных и кризисных ситуациях личной и профессиональной жизни и в обучении этим моделям. Многие из этих моделей в разной мере открыто описывают целительные, «психотерапевтически ориентированные» отношения и, подчас, построены на основе профессиональных мифов и представлений врачей

и психологов, социологов и философов, филологов и антропологов о развитии личности и ее отношений.

Розовая беллетристика» и «мыльный кинематограф» обладают, в связи с этим, выраженным терапевтическим эффектом: начиная с релаксации и упокоения (кратковременных эффектов) и заканчивая личностными изменениями (долговременными эффектами). Герои бульварных романов и мыльных опер спасают себя, друг друга и мир, т. е. могут служить примерами более или менее «спонтанной» и профессиональной психотерапии средствами художественного произведения (текста) или кинопроизведения (фильма). Бульварный роман и «мыльный кинематограф», таким образом, можно рассматривать в контексте «формульных историй», а также текстов с ярко выраженными, типическими дискурсивными характеристиками.

Дж. Кавелти, проанализировав особенности «формульной литературы», определяет формулу как «комбинацию или синтез специфических культурных конвенций с более универсальной повествовательной формой или архетипом» [5; 8, р. 6]. Понятие формулы позволяет выделять характерные для определенных культур и / или периодов «коллективные фантазии» / квазимифы и проследивать их изменения. Можно выделить такие ключевые характеристики формульной литературы: высокая степень стандартизации (герои – универсальные, узнаваемые стереотипы мужского и женского, поддерживают универсальные же сценарии отношений), эскапизм (бегство от действительности, рутины и неразрешимых проблем достигается не посредством саспенса (напряжения) психологического плана, а за счет введения дополнительных линий и аспектов сюжета детективного, фантастического, «эзотерического» типов), развлекательность (увлекательный сюжет и легкость построения и понимания текста). Кроме того, «мыльный кинематограф» гармонизирует конфликт между традиционалистским стереотипом фемининности и новыми, модерными значениями мужской и женской ролей [1, с. 54].

Характерная для дискурса «мыльного кинематографа» и бульварного романа деталь состоит в том, что его мир четко делится на плохих и хороших. В этом отношении с момента своего зарождения в позапрошлом веке и до наших дней дискурсы бульварного романа и основанного на нем «мыльного кинематографа» не претерпели существенных изменений. Формульные истории отражают и повторяют не чей-то реальный опыт, а мир и опыт, знакомый читателю именно благодаря его «повторению» (и, таким образом, закреплению). Психологическая дисгармония вносит напряжение и конфликт в другие

сферы взаимодействия, но как только противостояние «чудесным образом» переходит в любовь, то исчезают и все беды: злодеев и «зло» обнаруживают и наказывают, «добро» побеждает и вознаграждается. Дж. Кавелти выделил особый вид идентификации читателя с героями, свойственный формульным историям, где «утверждается идеализированный образ себя» [5; 8, р. 18, 35]. Поэтому «мыльный кинематограф» и бульварная литература актуальны тогда, когда в жизни человека выходят на поверхность и рефлексироваться несбывшиеся ожидания относительно себя и партнера, представления об идеальном партнере и отношениях: происходит «двойная» идентификация с героями, при которой на героя проецируются образ идеального партнера, модель идеальных и неидеальных отношений.

«Фиксация актуальных социокультурных напряжений и их гармонизация, эффективное «психотерапевтическое» воздействие посредством эскапистских конструкций делают <...> роман 'знаком' времени, индикатором ведущих тенденций в массовой культуре и общественных настроениях и ожиданиях», – отмечает О. Бочарова [4, с. 296].

В фокусе внимания массовой, бульварной культуры стоят, как правило, совсем не эстетические проблемы, а проблемы репрезентации человеческих отношений, которые моделируются и представляются читателям в виде готовых игровых правил и сценариев – дискурсов. Жесткие жанрово-тематические каноны определяют клишированность заглавий произведений определенных жанров (детектив, триллер, боевик, мелодрама, фантастика, фэнтези, костюмно-исторический роман и др.). Именно заданные модели заглавий, часто вписывающиеся в серийные издательские проекты, должны удовлетворить жанровые и дискурсивные «ожидания» читателя и побудить его осуществить читательский выбор. Наиболее значимые выборы в жизни человека, стремящегося стать личностью и партнером, восстановить и развить душевное (психическое) здоровье, структурирующие дискурсы бульварного романа и / или «мыльной оперы», таковы:

- выбор жить в реальности, понимать и принимать мир, не переставая учиться, выбор смирения и послушания в ученичестве и в жизни;
- принятие мира и своей жизни, принятие трудностей и однообразия мира (жизни), выбор готовности к испытаниям и трудностям;
- выбор счастья, уверенности, доверия, отказ от уныния и недоверия, беспокойства, пустоты отношений, отчуждения, одиночества;

- выбор собственного пути, субъектности, «неадаптивной активности», здоровой дисциплины, понимание своего места в мире, выбор себя как частицы мироздания;
- выбор непривязанности («внутренней тишины»), спокойствия, миролюбия и неагрессивности;
- выбор уважения к себе, выбор самого себя, аутентичности, искренности, честности, правды, а также осмотрительности и ненаивности;
- выбор уважения к своему делу, талантам, предназначению, а не вещам, отказ от сравнения, тщеславия;
- выбор любви, доброты и внимания к людям, уважения к чужим достоинствам, достижениям, а также принятие ошибок, слабостей;
- выбор принятия и благодарности к взрослому, удовлетворенность жизнью, ее настоящим, прошлым и будущим.

Литература

1. Андриянова, И.А. Бульварный роман: специфика, сюжет, выразительные средства / И.А. Андриянова // Труды Псковского политехнического института. – 2006. – С. № 10 (1). – С. 53-55.
2. Арпентьева, М.Р. Бульварный роман: повседневные и профессиональные психотерапевтические отношения / М.Р. Арпентьева // Масова література: проблема інтерпретації, змісту та форми: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 16-17 жовтня 2015 р., Миколаїв. – Миколаїв: МНУ ім. В.О. Сухомлинського, 2015. – С. 10-12.
3. Арпентьева, М.Р. Интенции библиотерапии и коррекция сценарной организации человеческой жизни / М.Р. Арпентьева // Психология и литература в диалоге о человеке: монография / под ред. Н.А. Борисенко Н.Л. Карповой, С.Ф. Дмитренко. – М.: ПИ РАО, 2016. – С. 186-189.
4. Бочарова, О. Формула женского счастья: заметки о женском любовном романе / О. Бочарова // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 22. – С. 292-302.
5. Кавелти, Дж. Изучение литературных формул / Дж. Кавелти // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 22. – С. 33-65.
6. Косолапов, М. Бонд – мифогенетический анализ / М. Косолапов // Искусство кино. – 2000. – №4. – С. 52-58.
7. Ямпольский, М.Б. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф / М.Б. Ямпольский. – М.: РИК «Культура», Ad Marginem, 1993. – 464с.
8. Cawelti, J. Adventure, Mystery and Romance: Formula stories as Art and Popular Culture / J. Cawelti. – Chicago: University of Chicago Press, 1976. – 334 p.